

Артемий Ульянов

ЗАПИСКИ САНИТАРА МОРГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
У51

СЕРИЯ «РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»

Дизайн обложки: *Дмитрий Леонкин*

Ульянов, Артемий.

У51 Записки санитара морга / Артемий Ульянов. — Москва:
Издательство АСТ, 2022. — 416 с. — (Реальная жизнь).

ISBN 978-5-17-150606-3

По велению судьбы (или стечению обстоятельств, если вам так угодно) автор этой книги с юных лет работал санитаром в морге. То есть день за днем хоронил свой народ. Личный опыт этого экстремального ремесла выписан им в романе так, что не отпускает читателя от первой до последней главы. Вместе с автором и его героем мы ищем ответ на вопрос: санитар — он кто? Неквалифицированный технический работник, в штатном расписании где-то рядом с дворником? Или Харон, исполняющий высшее предназначение, проводник, ведущий человека в последний путь?

У каждого своя книга.

И свои ответы на эти вопросы...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-150606-3

© А. Ульянов, 2022

© ООО Издательство АСТ, 2022

Всем моим мертвым посвящается.

От автора
(или вступление о мате)

Мой дорогой читатель!

Книга, которую ты держишь в руках, даст тебе возможность стать очевидцем множества событий, подчас весьма неординарных, трагичных, смешных и трогательных... Почти все они происходили в действительности, с реальными людьми, около пятнадцати лет назад. Люди эти — преимущественно молодые мужчины, в меру и не в меру циничные, взращенные московскими дворами эпохи распада Советской империи, при некотором участии любящих родственников и равнодушных педагогов. Надо признать, что нецензурная лексика, а именно русский мат, является неотъемлемой частью их каждодневного обиходного языка. Есть среди них и такие, для кого разговорный русский является неотъемлемой частью каждодневной обиходной матерщины. Они крайне редко используют ее по назначению — в качестве ругательства. И с легкостью могут вести беседы на самые разные темы, употребляя в основном ненормативную лексику.

Но несмотря на реалистичность и правдивость этого повествования, которое находится в прямом родстве с документалистикой, на его страницах ты не найдешь ни единого непечатного слова. Избавленная от мата, книга

обретает целый набор морально-бытовых свобод. Ее можно оставлять рядом с любопытными детьми и щепетильными стариками, не пряча в интимной темноте платяных шкафов. Заглянув на ее страницы, друзья и коллеги не заподозрят тебя в маргинальных наклонностях. Книгу можно спокойно читать в общественном транспорте, без опаски делясь ею с тем, кто запустил в нее скучающий взгляд через твое плечо. Можно дарить самым разным людям и читать вслух. А если книга пришла по душе — нет необходимости доказывать скептикам, что в ней есть хоть что-то, кроме мата.

И главное. Отсутствие нецензурной лексики дает тебе, читатель, свободу солить и перчить эту историю по своему вкусу, становясь ее полноправным соавтором.

Кроме того, злые языки не смогут обвинить меня в погоне за третьесортной сенсационностью, которая помогает повысить тираж книги и придать ей фальшивой значимости.

И, прежде чем оставить тебя наедине с этим повествованием, честно признаюсь... Матерюсь я с самого детства. И когда ситуация позволяет (а иногда и требует), не отказываю себе в удовольствии обильно поперчить родной русский язык...

*С искренней благодарностью
за вдумчивое чтение
Артений Ульянов*

Внимание!

Все нижеследующее является художественным произведением. Все герои и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Если вы вдруг узнали себя на страницах этой книги... уверяю, вам показалось.

Пролог

История, которая лежит ниже, впечатанная сотнями тысяч знаков в бумагу страниц, случилась со мной наяву, в теплые шелковистые июньские дни, каких-то пятнадцать лет назад, в 1995 году. Я был молод, упрям, силен и смел той ребяческой смелостью, в которой больше гормонов и завышенной самооценки, чем истинной отваги. Жил жадно, размашисто. В погоне за полнотой каждого дня хватал столько жизни, что частенько не мог унести все ее уроки и воспоминания. А потому старался забрать с собой самые ценные, нередко ошибаясь и набивая карманы фальшивками и ядовитым опытом. В те дни лишь двадцать лет отделяли меня от родильного дома, где я увидел первые мгновения моих земных лет, мутные и перевернутые.

Все события, намертво въевшиеся в символы и строки, которые замелькают перед тобой пульсирующим калейдоскопом дней, часов и минут, происходили в течение семи суток, на северо-востоке города-героя Москвы.

Неделя... Стандартный отрезок времени, такой скоротечный и вместительный разом. Что можно успеть за неделю? Съездить к морю, вернувшись почти без загара. Переболеть гриппом. Стать на 168 часов ближе к зарплате и ровно на столько же — к могиле. Доехать на поезде до дальних сибирских городов, получить свежий

номер еженедельника, пройти пешком 315 километров. Создать мир, в конце-то концов.

А что я успел за эту неделю?

...Многое. Для себя, и для тех, кто был со мною рядом, стал частью их жизненного пути. А они — частью моего. Мы навечно отпечатались друг в друге, словно сакральные письма, смысл которых сокрыт от беглого взгляда. Он откроется лишь тем, кто сможет взглянуть на них, закрыв глаза. Тогда они услышат их потаенные откровения, как слепцы слышат звуки, надежно спрятанные от зрячих.

И если ты, мой читатель, жаждешь этого знания, если мечтаешь сорвать завесу, что укрывает иной смысл покровом ежедневных банальных событий...

Тогда в путь! По изъеденному временем семидневному отрывку календаря моей жизни, который навсегда станет твоим, как только ты перевернешь последнюю страницу книги, прожив его вместе со мной.

Что ж, не будем медлить, ведь понедельник уже начался...

Сутки первые

ПОНЕДЕЛЬНИК, 5 ИЮНЯ

— Большая неделя только началась, а я уже опаздываю. Начало не ахти, — на бегу бубнил я себе под нос, тяжело дыша. — Вот ведь умудрился. Если Борька на работе — все гудово. А если он тоже опоздает? Ой, кранты...

Представив себе такой исход сегодняшнего утра, я резво подбежал к метро, словно ужаленный перспективой скандала. Сунув в автомат два кружочка жетончиков, подумал: «Ну, давай, Хоронушка, не подведи». И стал спускаться в подземелье, словно эпический герой, которому обязательно надо вовремя успеть на работу.

На эскалаторе, на платформе и в вагонах я безошибочно определял братию опаздывающих. Дорожащие каждым метром, оставшимся позади, они нервно шныряли в толпе. Очутившись на платформе, вглядывались в зияющую дыру тоннеля, делая ритмичные движения рукой и как бы говоря всей ситуации «давай! давай!». В вагоне их тоже было хорошо заметно. Один такой ехал со мной. Офисная униформа, убогий галстук, перхоть.

— Извините, — говорил он вкрадчивым голосом, — вы сейчас выходите?

В ответ — еле заметный кивок.

— Будьте добры, спросите, те, кто впереди вас стоят, выходят? — беспокоился он, нервно двигая мимикой.

Вообще-то большинство не успевающих куда-нибудь в понедельник утром — нервничают. Они опаздывают к

заказчикам штор и компьютеров, в крохотные офисы маленьких компаний, в бесчисленное число рекламных и туристических агентств. Если опаздывают сильно — начинают злиться.

Я немного беспокоюсь за начало моей Большой недели, но настроение у меня хорошее. Даже немного веселое, а в голове крутится какая-то крякающая песенка из тупого мультика про зажиточную утку. И конечно же я не злюсь. И даже не нервничаю. Это, наверное, потому, что я опаздываю на похороны.

«На похороны?! В веселом настроении, с крякающей песней в башке? Кошунство!» — сказала бы общественное мнение, которому вечно до всего есть дело.

Опаздывать в веселом расположении духа на одни конкретные похороны — хамство, согласен. Но я-то опаздываю сразу на много похорон. Как минимум на пятнадцать траурных процессий, кремаций, поминок... «Гибель одного — трагедия. Гибель миллионов — статистика», — говорил отец народов, который старался не допускать трагедий, а потому клал людей миллионами. «Когда у тебя одного много похорон — это уже не похороны, — вторя вождю, скажу я. — Это формализованный ритуальный технико-коммерческий процесс, который дает мне хлеб насущный. С насущным маслом».

Пристроившись в энергичный фарватер крупного лысеющего опозданца, я выскочил из вагона, юркнув на лестницу.

— Что там со временем? — шепотом промямлил я, вскинув руку. — У меня семь минут. Если даже Боряна нет... Могу успеть.

Сошурившись на дорогу, я с трудом разобрал контуры безнадежно уехавшего 5-го автобуса. Если ждать следующего, то появлюсь на работе минут через сорок, ког-

да первые ящики уже двинутся по адресам в сопровождении родственников, опечаленных и не очень.

«Такси надо брать», — с тяжелым сердцем подумал я. Денег было чертовски мало. И хотя я уже тогда заботливо лелеял в себе хиппи, внутренний голос капризно требовал поберечь наличность. Для себя любимого. вдруг Боряна там нет?» — мелькнуло в голове.

И тут же эту беспокойную совестливую мысль подхватил добрый десяток голосов всех тех, кого мы с Борей должны были отправить в последний путь. «Эх, ну что ж вы так, молодой человек. У меня, между прочим, в жизни единственные похороны. Это ж не свадьба, вторых-то точно не будет. И вы в такой день проспять умудрились!» — скрипел мертвый старушечий голос, заглушаемый ровным глуховатым гулом патанатомического холодильника. «Ты это, слышь, такси давай бери и живо дуй нас хоронить. Чтоб все как в аптеке было!» — басил какой-то дворовый воротила. «Мальчик! Если ты опоздаешь, образуется очередь — из нас, из автобусов, из родственников. Всю жизнь по очередям мыкалась. Неужели и здесь придется?!»

— Да все, все... Еду, еду, — пробубнил я, пристыженный покойниками, и выставил руку навстречу плотному утреннему потоку машин.

— Брад, куда нада? — услышал я через несколько секунд. Передо мной стояла голубая «шестерка», изъеденная коричневыми веснушками ржавчины.

— Четвертая клиника, на Финишном проезде. И надо быстро.

— Нада быздра — будэт быздра. Дэсять рублэй свэрху.

— Идет, — сказал я, хлопая дверью.

И «шестерка» рванула, издавая надрывные агонистические звуки, кашляя коробкой передач и нервно

дребезжа песню про белого лебедя, который на пруду качает...

Десятка была заплачена джигиту не зря. Ехали действительно резво. Один раз было очень страшно. И потом еще два раза, но уже не так.

После того как второй раз было не очень страшно, показалось здание клиники. Огромная 20-этажная башня, с небольшим городком двух и трехэтажных построек вокруг нее. Она напоминала причудливый тандем завода и дворца и довольно живописно смотрелась на фоне высотных елей и проплывающих облачков. Строили больницу гастарбайтеры из дальнего зарубежья — в кратчайшие сроки, без шума и грязи. У нас так не умеют. Оборудование, отделка, финские лифты и пальмы в кадках.

И еще одна деталь, на первый взгляд не самая важная. Главный корпус клиники был выстроен правильным крестом. Такой архитектурный подход был неслучаен. Если вдруг случится война, то крыша нашего медицинского учреждения будет спешно покрыта красной материей. И с высоты птичьего полета станет виднеться большим красным крестом. И вражеский бомбардировщик не станет бомбить нас. Ну, или станет бомбить в первую очередь. Лично я не могу себе представить такой поворот современной русской истории. Хотя... если бы у французов и монголов были бомбардировщики... Неужели красный крест остановил бы их пилотов? Вряд ли, ей-богу...

Но факт остается фактом — в форме креста. Почему? Потому, что клина наша — стратегический объект, ни много ни мало. Массивное строение и прилегающая территория, красовавшиеся на фоне елей, были лишь верхушкой айсберга. Внизу, прямо под ним, на глубине

многих метров, была еще одна клиника, законсервированная на случай большой беды. Огромное бомбоубежище, операционные и палаты, вкупе с хранилищем чистой воды и сжиженного кислорода, ждут трагического часа. Но для рядовых сотрудников доступ в секретное подземное подбрюшье закрыт. И без большой беды туда не попасть.

Но куда более сильное впечатление на меня производили подземные тоннели нашего медучреждения. Серые, освещенные голубоватым дневным светом, высокие и широкие, они были такие длинные и разветвленные, что походили на подземное царство. И в одном из тысяч закоулков этого царства, изрубленного коридорами и намертво оплетенного узлами коммуникаций, есть надежно запертая дверь. За той дверью — железный сундук, закрытый на тяжелый замок. А в том сундуке, совсем как в сказке, хранится маленькая бледно-зеленая книжница, на первой странице которой аккуратно начертано мое имя. Все, что написано в ней, в миру почитается как непререкаемая истина. А написано буквально следующее: «Принят в патологоанатомическое отделение для работы санитаром в дневное время». А значит, так оно и есть.

Мало того... Сегодня, в понедельник, 7 июня, началась моя Большая неделя, что означало вынужденное погружение в Царство мертвых на целых семь суток. Я бы сравнил себя с Орфеем... Да только тот отправился в подземный мир за ненаглядной Эвридикой. Я же погружался в него по служебной необходимости.

Спешу успокоить — массового мора в те дни не произошло. Граждане, уставшие от каждодневного жития, покидали этот мир так же размеренно, как и раньше. Моя работа дневного санитаря шла своим чередом. На

этой неделе — шесть дней, с 7-го до 14-е. Выдачи, вскрытия, прием одежды от родственников, одевание тех, кого будут выдавать завтра. В воскресенье морг работает только на прием.

Все дело было в ночных санитарях, которые по весне имели обыкновение искать лучшей жизни, а потому увольнялись. Работенка у них весьма занятная — мечта свободного художника. Ночь на службе, три ночи дома. Дежурство начинается в пять вечера, заканчивается в восемь утра. В течение этих пятнадцати часов изредка приходится выполнять кое-какие нехитрые обязанности. Услышав истерично улюлюкающий дверной звонок, нужно открыть дверь навстречу бригаде коммерческой или государственной трупоперевозки. Принять тело и сопровождающие документы, занести информацию о вновь прибывшем в журнал, документы убрать в папку. Труп раздеть, маркером написать на плече фамилию, смочить обрезок полотенца в специальном растворе, положить на лицо подопечного, сверху одеть полиэтиленовый пакет, пристроить под шею подголовник и определить покойника на временный постой в холодильник. На двери секции, где он будет находиться, есть пластиковая табличка с номерами полок. Если гость занял, например, вторую полку, под номером 2 маркером написать фамилию постояльца.

Если звонок поступит из какого-нибудь отделения клиники, значит, кто-то из пациентов перестал болеть. Придется нанести визит в главный корпус, несмотря на неурочный час.

И вот тут важный момент, о котором в должностной инструкции ни хрена не сказано. В отделении ночного санитаря встретят медсестры, нередко чуть испуганные и грустные. В этот момент надо определиться с линией